

Памяти большого человека и артиста

Наш календарь

Исменного в Латвии художников, которые более половины столетия отдали искусству и слава которых далеко шагнула за границы родины, художников, неразрывными узлами связанных с прогрессивными силами своего народа в самые трудные времена, таких художников, как народный артист республики Рудольф Берзинь, 90-летие которого мы отмечаем.

В большой рабочей семье мальчику, который стремился получить образование, рано пришлось заботиться о куске хлеба. В 15-летнем возрасте случай приводит Рудольфа Берзиня в Рижский театр латышского общества, на спектакль по опере Глинка. Этот спектакль и особенно Дадэ Акментын в роли Вани так пленили юного, что он теперь старается попасть на каждое представление, пока не выучит текст наизусть. От отца Рудольф Берзинь унаследовал красивый голос. Он наконец, набравшись храбрости и, чтобы попасть в мир чудес за кулисами, поступил в театр хористом. Энергичный характер Р. Берзиня, умение выразительно читать и петь, свободно, естественно держаться на сцене, быстро ориентироваться в сценических ситуациях принесли ему много успехов и похвал. С основанием Нового латышского театра Рудольф Берзинь переходит в этот коллектив, выражающий интересы передовой латышской общественности, которой симпатизирует и молодой артист. Здесь он находит применение своей незаурядной энергии. «...Каждую неделю большая новая роль», — вспоминает Рудольф Берзинь. — У нас был довольно пестрый репертуар — часа в два я играл Индрюкиса (в пьесе Гауптмана «Потопивший колокол» — моя лучшая роль в Новом театре), а вечером в тот же день пел в опере Гуно «Фауст». По тогда мне было всего 22 года!»

Захватывающее исполнение Берзиным роли Индрюкиса

вдохновляло народного артиста СССР Эдуарда Смильгиса: «...когда Берзинь с большим подъемом произносил монолог литейщика колокола, в нарастающем крещендо гудел весь зрительный зал, и в душе рождалось незабываемое чудо, которое чище всего мы ощущаем только в молодости и которое всю жизнь сопровождает нас и подвигает на все доброе и прекрасное».

В короткое время Рудольф Берзинь становится ведущим актером, за которого спорят и Рижский латышский, и Рижский Новый театр. Берзинь старается работать там, где он может больше полезного сказать своему народу. В канун революции 1905 года артист сыграл в Рижском латышском театре ряд значительных ролей — Илла в «Мещанах» Горького, Эдварта в «Индрапах» Блаумана, Эдгара — «В огне» и другие, о которых современники оставили похвальные отзывы. Будучи убежденным представителем рабочего класса, Берзинь не мог оставаться в стороне в то бурное время. На митингах в Гризинькалне, на площади Нометны он произносил пламенные речи, читал стихи и своим мощным голосом запевал революционные песни. Это отнюдь не нравилось его работодателям, но они не хотели терять прекрасного актера.

Когда в Новый театр пришло более прогрессивное руководство, Берзинь перешел туда. Здесь он играл Нормунда в пьесе Аспазии «Серебристое покрывало», представление которой порою превращалось в революционный митинг. И не случайно в конце 1905 года Новый театр закрыли. Рудольф Берзинь собирает оставшихся без работы актеров в свободных помещениях театра «Аполло» и возобновляет спектакли. Но вскоре организатора арестовывают и бросают в Центральную тюрьму — Берзинь отсидел там шесть месяцев. В

этот период было арестовано много представителей латышской революционной интеллигенции. Мощно звучащими революционными песнями Рудольф Берзинь подбадривал заключенных. Вопреки всем запретам, песни из его камеры

доносились за тюремные стены и дворы.

Глубокие симпатии связывают Рудольфа Берзиня с Луизой Томсон, большой почитательницей его таланта, которая потом становится женой артиста. Луиза Томсон доставляет заключенным не только еду, книги и вестн с воли — ее стараниями Р. Берзиня освобождают из тюрьмы на поруки. Время, проведенное в тюрьме, еще больше укрепляет революционную убежденность артиста, и он не боится открыто это показывать. Возобновив работу в театре, Р. Берзинь готовит вечер поэзии Райнса. Стихи, хотя и допущенные цензурой, звучат в устах Рудольфа Берзиня пламенно, зажига-

ют публику, и сразу же после спектакля артиста арестовывают. И снова его самоотверженная спутница Луиза добивается его освобождения. Но Рудольфа Берзиня ждет военный суд, так что ему остается одно — уехать в эмиграцию. Он проводит на чужбине почти 15 лет, — годы напряженного труда, больших успехов и славы.

Еще в Риге Рудольф Берзинь учился вокальному искусству у знаменитого певца Германа Ядловкера. В эмиграции он продолжает совершенствоваться, и вскоре получает ангажемент в оперных театрах Германии — в Штутгарте, Мюнстере, Галле, становится одним из виднейших исполнителей вагнеровских ролей в Германии. Артисту с голосом «милостью божьей» (как писала о нем критика) предложили петь в нью-йоркской «Метрополитен-опере» и в Байрете на вагнеровских празднествах, но война помешала этому. По случаю 25-летия своей сценической деятельности артист вспоминал об этом: «Эти планы не сбылись, потому что для Германии я был русский, значил враг, а для России — бежавший революционер». После военных лет, проведенных в Дании и Швеции, в 1919 году Рудольф Берзинь возвращается на родину.

Начинается интенсивная работа в опере. В его репертуаре были партии примерно 25 опер. Первая роль на родине — Тангейзер, очевидно, самая дорогая для артиста из всех, сопровождает его на всем его сценическом пути. И хотя за долгие военные годы голос артиста отчасти утратил свой блеск, он все еще имел пленительную власть над слушателями. К лучшим ролям Рудольфа Берзиня — Каппо, Педро, Тангейзера, Рауля, Самсона, Отелло, Гринки, Эролуса, Хосе и многим другим прибавляются и герои из ряда латышских опер — Вижулис в «Вашюте», Хорс в «Богини лю-

ди», Илгисис в «Салинских», Кангар в «Огонь и ночь» и, наконец, Петер в первой латышской советской опере «Рута».

В первые годы работы в Риге Рудольф Берзинь был и постановщиком. Разногласия с должностными лицами ускорили уход Берзиня с оперной сцены в 1928 году. Как странствующий тангейзер, он заходит туда по случаю трех своих юбилеев, как гастролер играет громовержца Юпитера в оперетте Оффенбаха «Орфей в аду», как полноправный хозяин оперы, он пришел сюда только в последние годы своей жизни, после Великой Отечественной войны.

В 1940 году Рудольф Берзинь активно включается в музыкальную жизнь. Будучи преподавателем консерватории, он передает свои знания молодежи, помогает готовить Декаду латышского искусства в Москве. В первые дни войны Рудольф Берзинь пламенными песнями вдохновляет бойцов. С этого времени начинается новый значительный этап в жизни большого артиста. Неумолимый, окрыленный великой целью, старый актер не боится никаких трудностей военного времени, он неизменно там, где его ждут. После освобождения Риги Рудольф Берзинь возвращается сюда в звание народного артиста и принимается за возобновление оперных спектаклей. Этой работе он отдает себя без остатка.

Осенью 1946 года Рудольф Берзинь последний раз пел в опере — партию Петера в «Руте» И. Гринфельда. Образ этого борца может служить символом всей жизни артиста, бурной и многогранной. Большой человек и большой артист — таким помнят Рудольфа Берзиня его современники, таким сохраняют его в памяти грядущие поколения.

Артур Бирисон

На снимке: Рудольф Берзинь в 1904 году.